

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 26

СЕНТЯБРЬ 1989

Л. НАСЫРОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

ДЕТИ ЗА РЕШЕТКОЙ —
КТО ОНИ?

Стр. 8.

У нашего общества сложные отношения с собственной новейшей историей: она была (поэтапно) тенденциозной, полузастрялой, липовой и однобокой. В последние годы начались вспыхивающие оптимизм процессы нелицеприятных переосмыслений, вынося кривых зеркал, выведения «белых пятен» и возвращения забытых имен. Публикуемый в этом номере фельетон о том, что мешает, препятствует, воздвигает препоны и даже ставит палки в колеса этим долгожданным процессам.

Июньским днем 1989 года в адрес Первого Съезда народных депутатов СССР пришло письмо, подписанное 324 сотрудниками центральных архивов — Октябрьской революции, Народного хозяйства, Литературы и искусства, Древних актов, Звукозаписи и Военно-исторического. Начиналось письмо так:

«Уважаемые товарищи депутаты!

Пройдет совсем немного времени, и документы Вашего исторического съезда станут достоянием прошлого, поступят... на хранение в государственные архивханилища. Но мы, архивисты, не ручаемся, что сможем в обозримом будущем принять и сохранить это общенародное достояние... В настоящее время архивханилища практически заполнены и прием документов прекращается... В то время, когда не созданы необходимые условия для сохранения бесценных реликвий, документальной памяти народа, в архивном городке на ул. Б. Пироговская, 17, начато новое строительство. Однако не архива... а двухэтажного административно-хозяйственного здания для нужд Главархива СССР».

Итак, проблема ясна — некуда складывать исторические документы. Мы еще вернемся к этому письму, а пока зададимся простым вопросом: а пустят ли историков в архивы, даже если они будут со тщанием сохранены? Ибо некоторые мрачные особенности истории отечественного архивного дела внушают серьезные опасения — равно как и особенности дня нынешнего.

«БУМАЖНАЯ МАССА»?

Считается, что государственная забота об архивах в нашей стране началась 1 июня 1918 года Декретом Совнаркома об архивном деле. Историками Декрет был воспринят с энтузиазмом, а до того момента, жаловалось учёные на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, их работа «протекала при наличии враждебного отношения новой революционной власти», так как крайняя нужда в бумаге «заставила Главбум в Москве и Губбум в провинции вместе с Центрутилем и Губутилем смотреть на архивную массу, как на бумажную массу, подлежащую переработке на бумажных фабриках».

Архивы, конечно, не просто «бумажная масса». Они могут приносить весьма ощущимую практическую пользу — и, к сожалению, далеко не всегда научную. Эту истину полностью осознали в конце 30-х годов бойцы невидимого, но очень, как говорится, компетентного фронта.

«В 1937 году архив НКПС начал работу по выявлению материалов о заграничных комендировках. На основе архивных материалов, отложившихся в 1922—1935 гг., архивом составлены карточки-справки. В этих карточках есть указания о должностях комендированного за границу, о времени и месте комендировки, о характере материалов, которыми располагает архив по этому вопросу. Уже сейчас эта работа полностью оправдала себя (выделено мною. — Р. П.) — так, отчитываясь о ходе ревизии, один из «знатоков» архивного дела прозрачно намекает в начале 1938 года на тысячи «ранее завербованных в заграничных стажировках, а ныне разоблаченных спецшпионов». Неудивительно, что в конце 30-х архивное дело стало «одним из многих участков нашего социалистического строительства, вокруг которого развертывается ожесточенная классовая борьба» (цитата из тогдашней научно-исторической периодики). Тогда же окончательно формируется империя секретных хранилищ. Вот отчет комиссии по проверке одного областного архива: «... среди архивных материалов обнаружены различные материалы, бро-

шиоры, фотографии врагов народа. Очевидно, «кто-то» еще усиленно старается популяризовать здесь гнусных гадов... почему-то здесь никому в голову не приходило, что все это должно быть давно изъято и передано куда следует».

Во избежание такого рода « злоупотреблений» в 1938—1939 годах «куда следует», а именно в ведение НКВД, передаются все архивы. Образованный Декретом 1918 года и руководимый «врагами народа» Центральный архив упразднен, и отныне «перестройке работы архивных органов большое внимание уделяет народный комиссар Л. П. Берия»; в плане научном это означало запрет на систематизацию и изучение исторических документов, что вполне соответствовало стре-

зу цитировать и даже делать из них выписки. Система архивов является собою гигантскую пирамиду, вершина которой — Главное архивное управление при Совмине СССР и несколько центральных архивов, а основание — сотни архивов местного значения. Работа этой системы регламентируется Положением еще от 1980 года и Правилами выпуска 1984 года. Правила, как водится, удручающе подробны: 623 параграфа определяют мельчайшие процедуры вплоть до указания (п. 2. 3. 9), что «для внутриархивных перемещений могут использоваться любые транспортные средства — автомашины, мотороллеры и тележки». И нет в Правилах лишь пункта, который бы внятно определял права пользователей. Да, в последнее время стало удовлетво-

лять при ИМЛ. В библиотеках вы не найдете Правил работы партийных архивов в СССР. Допуск к документам осуществляется, как говорится, в каждом конкретном случае руководством каждого конкретного архива, причем шанс попасть в хранилища, особенно центральные, имеют только члены КПСС. Выписки можно делать только в спецтетрадку — прошнурованную, с нумерованными страницами. По окончании работы цензор вырежет своими острыми ножницами секретные, на его взгляд, сведения. Не настала ли пора вспомнить, что еще в 1923 году на конференции архивных деятелей была принята резолюция, гласящая, что «Истпарт (председатель нынешних партархивов. — Р. П.) своего архива не организует. Архивные материалы хранятся Главархивом и его органами»?

БЫТЬ ЛИ АРХИВАМ «В ЗАКОНЕ»?

Продолжу цитирование письма, с которого началась разговор.

«Сейчас крайне необходим «закон об архивах»...

Осенью прошлого года я встречался с начальником Главархива Ф. М. Вагановым. Нужен ли Закон? Да, конечно! Федор Михайлович убеждал меня, что он двумя руками «за» — и за его скорейшее принятие, и за его широкое публичное обсуждение. Что касается принятия — правда; количество кулуарно разработанных Главархивом вариантов близится уже к десятку. Что же касается широкого обсуждения... Оно никак не может состояться, хотя историки и юристы ратуют за это уже без малого два года и уже разработали альтернативный «главархивному» проект Закона об архивном деле в СССР. Послушаем одного из авторов — зав. кафедрой теории и методики архивоведения Московского историко-архивного института Б. С. Илизарова:

«Сегодня около 50 процентов всех архивных документов в СССР практически недоступны для широкого изучения. Наш проект предусматривает сведение ВСЕХ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ АРХИВОВ страны в единый Государственный фонд, как, впрочем, и было задумано в Декрете 1918 года. Координировать деятельность архивов должна специальная Главная архивная комиссия при Верховном Совете СССР. Предполагается демократизировать систему доступа к документам, ввести временной ценз, 30 лет; по истечении этого срока любой документ должен быть общедоступен, а за необоснованное скрытие документов предусмотрена ответственность. В состав Комиссии должны войти известные архивисты, историки и юристы...»

О ТАЙНАХ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ

Конечно, каждое государство имеет право на тайну — военную, дипломатическую... Демократичный Закон об архивном деле помог бы покончить с «историческими тайнами» — отвратительным наследием сталинизма. Да, перестройка раскрыла некоторые спрятанные и спрятанные. Работают — правда, далеко не так быстро и эффективно, как хотелось бы — комиссии по рассекречиванию... Но меня очень смущает такое публичное высказывание заместителя начальника Главархива СССР А. В. Елпатьевского: «Снимая необходимые ограничения к документам (какие ограничения необходимы, то как же их снимать? — Р. П.), архивистам следует руководствоваться принципами партийности, советского патриотизма, пролетарского интернационализма...» — словом, чем угодно, но только не принципом непредвзятости. Такое высказывание поневоле вызывает неприятные ассоциации с требованиями все тех же 30-х годов «призвать архивистов и историков к повышенной политической бдительности в области работы по публикации документов...».

Попытки без прикрас взглянуть на Историю до сих пор вызывают явное или скрытое противодействие тех, кто считает, подобно царскому цензору Назаревскому, что «такого рода тенденции и раздражающие картины способствуют извращению понятий и в читающей публике». Сказано сие в 1886 году, но звучит злободневно и ныне...

Рэм ПЕТРОВ

АРХИВЫ ВНЕ ЗАКОНА, или ТРУДНОЕ ПРОЩАНИЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ТАЙНАМИ

млению Сталина заменить историю циничным мифтворчеством.

Одна из редко вспоминаемых заслуг «отепельного» времени — освобождение архивов из-под сомнительной опеки и передача их в 1961 году в подчинение Совмину СССР. Начинаются работы по рассекречиванию множества фондов. Но... в конце 60-х — начале 70-х происходит повторное засекречивание раскрытых десять лет назад документов, вводится новый гриф «ограниченное пользование» — под стандартным предлогом, что «невозможно проследить пути распространения информации» (?!). По мнению многих историков, такое «замораживание» было связано с развитием «диссидентского» движения: некоторые вольнодумцы позволяли себе слишком многое, разоблачая на основе архивных материалов сталинизм; классический пример тому — Солженицын и его «Архипелаг ГУЛАГ». Показательна часть архивов ВСНХ — вот уже два десятка лет многие документы Высшего Совета народного хозяйства периодически поражаются приступами засекречивания... А на Торжественной научной сессии в Главархиве СССР в 1968 году начальник литовского Главархива Е. А. Розаускас с гордостью рассказывал о том, как документы архивов Литвы помогали в свое время разоблачению «буржуазных националистов» (т. е. «врагов народа» в национально-республиканском исполнении); время покатилось вспять... Забюрократизированную, не в меру «закрытую» архивную систему, возникшую в конце 30-х, не удалось окончательно разрушить и пытливые, несмотря на реформу 1961 г. Тому свидетельством

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Что представляют собой сегодняшние архивы?

Это 340 миллионов единиц хранения Государственного архивного фонда СССР. Не менее одной пятой документов, по приблизительным оценкам, засекречены, и еще около 20 миллионов — на режиме «ограниченного пользования»; последнее означает, что на такие «мумии», даже если до них удастся добраться, нельзя потом ссылаться, их нель-

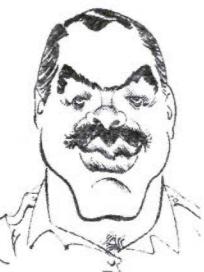
И. ЛОСОСИНОВ, Р. САМОЙЛОВ.

В. ЛУГОВКИН.

О. ТЕСЛЕР, С. РЕПЬЕВ (тема).

В ПОРЯДКЕ БРЕДА

Если я параноик, то один из самых несчастных. У нормального параноика галлюцинации малость сопряжены с удовольствиями. Мания величия, бред сверхценных идей, комплекс преследования — все это хоть как-то щекочет самолюбие.

Мои видения тоже ужасны. Комплекс не менее навязчив. Страхи так же ледят душу. Но сам я при этом вовсе не восседаю в золоченом кресле посреди собственного бреда. Мне не мнятся, будто меня преследуют. Врагам до меня нет дела. Может, кто и трахнет кирличом по голове, но не по заданию, а от удовольствия. Потому что и в своих галлюцинациях я всегда рядовой гражданин. Или, точнее, рядовой потребитель.

Конкретное содержание моего болезненного воображения таково: повсюду, от Бреста до Владивостока, от Нарьян-Мара до Кушки есть в изобилии колбасы по 2 р. 20 коп. (По 2 р. 10 коп., по 2 р. 30 коп.) — варианты зависят от ценового пояса). Сахар? Просто смешно! Никаких талонов, каждому по два кило без предъявления документа. А хошь еще два кило — милости просим в ту же очередь.

Хотя что это я? В том-то и проклятая особенность моего кошмара, дорогие сограждане, что никаких очередей в нем нет. Вообще. Ни за чем. Ни разве что на отдельную квартиру. Да и то: два три года — разве это очередь? Кухня шесть квадратов, ванна желтеет не сразу, трещины, которые от строителей остались, алебастром замазал, замок сменил — ну, не благодать?

На «Жигули» ВАЗ-2109 накопил? Иди купи. Цвета всего два, но без записи. «Волга» ГАЗ-2410 нравится? 16 тысяч, ни копейки сверху. Сегодня заплатил, сегодня получил. Нравится?

Ну же, ну! Не робей, Фаддей!

«Рубин» Ц-412 (730 руб.), ресурс повышен. Кофемолка (18 руб.), а за углом кофе (20 руб.). Мисо, а за углом электроморскубу. Тяжела, надежная, нашенская (40 руб.). И мисо нашенское, по 2 р. за 1 кг (плюс минус гривенник в зависимости от пояса). Процентаж мислов в мясе ни в коем случае не превышает госстандарта, установленного Госстандартом. За обман страждой взыщут, но взыскивать не с кого. Уже давно никто никого не обманывает, так как все знают: чтобы лучше жить, надо лучше работать. А поскольку все работают все лучше, то жить становится все веселее. Уже сегодня средняя зарплата составляет 220 руб. на работающего (не считая общественных фондов потребления), а завтра... То есть в следующем году... Или в конце пятилетки... Но обязательно, слышите, обязательно будет 230. Или даже 232. В среднем. На работающего. На одного.

Живет страна, морща лоб при слове «дефицит». О таких говорят: счастлива без памяти!

Вот такой примерно у меня бред. С ценами, преискурантами и гуманными первыми секретарями.

Психиатры, к которым я обращался, сначала возбуждаются. Мол, детская обувь в вашем бреде есть? Я говорю: конечно, есть. Психиатры бледнеют: а пиво? Я говорю: каков? Они: а что какое? Я говорю: «будвайзер» ни разу не завозили, врать не буду. Но «Жигулевское» свежее. Они наливай! Я говорю: да вы что, товарищи? Это же бред!

Тут они почему-то начинают злиться. А один так и резанул: подлец ты, а не параноик. Весь народ за это борется. А ему страх душу леденит.

В общем, оттупили.

С экономистами советовался. Поймите, говорят, у вас просто бред. Колбасы по 2—20 никогда не будет доводом. Колбаса по 2—20 сама по себе бред. Только не психический, а экономический. Сначала надо провести реформу ценообразования, соорудить рыночный механизм, и только тогда ваш бред станет было.

Нет, никто меня не понимает. Одни хотят порядка, другие снижения цен, третьи умрут, но добются ликвидации Четвертого главного управления при Минздраве СССР. (При этом Четвертое управление в РСФСР (УССР, БССР) разумеется, сохранится. Как сохранились спечки, бурно упраздненные и тихо перекочевавшие из «закрытых» магазинов в «закрытые» учрежденческие буфеты.) Но никого не пугает жуть казарменного изобилия, при котором каждый получает не то что заработал, а все больше и больше. Да и мне самому осознать это было нелегко. Накопил и ГАЗ-2410 купил — ну отчего бы холодными потом орошаться?

Помогла шахтерская забастовка. Дружно поднявшись, смело парализовавшие чувствительную для нашей проходящей страны отрасль горняки добились своего. И заодно снова показали публике, что мускулистые руки сидят в обиде не дадут.

Отлично! Вдохновленные! Теперь, когда разрыв между терапевтом и горняком ворос еще больше, медики на рынке достанется картошка помельче, но умом он просветлен. Объединившись с пульмонологами и отоларингологами, терапевты в годину гриппозной эпидемии могут поставить на колени целые республики. Горнякам Кузбасса подбросили ради успокоения 2000 «Жигулей» из чужих фондов, терапевты же запросто выворачивают министров из насиженных «Чайек».

В общем, перспективы богатые. Но, увы, не бескрайние. Совершенно няенско, как бастовать изобретателю. Как постоять за себя поэту. Или — чего далеко ходить? — взмыслить тот же «Крокодил». Платят гроши, жалкую долю процента от доходов, а посмей не выдать сатири на гора... Не то что «Жигули» — мусоровоза не пришлют. Сам предрешь на свалку.

Нет вкусного «будвайзера» в моем бреду, и стремительные «тойоты» не проносятся там. Плещет «Жигулевское», разливавшееся давать даже пену. И «Волга» ГАЗ-2410 сияет своими сомнительными прелестями. Хотя какие уж тут сомнения? Пожалуй, мы да еще две-три передовые страны приемлемое чудо технического убежества, за которое отечественные жулики готовы иди хоть в тюрьму, хоть на плаку. В большинстве же стран нашу «Волгу» не пропустят ни за какие деньги. Тяжела, прокорлива, грызня. А пропустили бы — так ни за какие деньги не продаща.

Если изобилие той дряни, за которой с окруженными азартом глазами носится родной потребитель, составляло бы цель перестройки, то я предложил бы переждать еще два-три десятилетия — до следующего перелома.

Взлеты и падения социалистического соревнования со всей наглаждностью показали, что блага нации не измеряются бочками пролитого пота. Не так-то уж крепко зависят нация и от минералов, натыканных природой в занимаемую ею территорию. В рядовом японском компьютере, за который у нас в Москве отстегиваю по 25—30 тысяч рублей, всего полкило металла, полкило пласти массы, кило речного песка и десять приносивших рабочих рук. Все остальное — беспущенная и невидимая работа умы.

Обратите внимание: в моем бреду компьютеров по-прежнему нет. С их изобилием в отличие от туалетного мыла «Тик-так» моя паранойя не уживается.

Владимир НАДЕИН.

Рассказ

ЛЮДИ-ЧЕЛОВЕКИ

Эдуард МЕДВЕДКИН

КОММЕНТАРИЙ ДЕПУТАТА

Блиц-интервью с председателем СТД РСФСР народным артистом СССР М. А. Ульяновым

— Михаил Александрович! Как нам известно, рядом с усадьбой замечательного драматурга А. Н. Островского — знаменитым «Щелыково», что находится рядом с Волгой, — строится крупный химкомбинат. Именно поэтому вместо зеленого леса я изобразил на своем рисунке лес строительных кранов. Что бы вы как народный депутат могли сказать об этом вопиющем акте вандализма?

— Что говорить? Рыдать хочется. И так течение замедлено из-за грязи, река покрывается ядовитой зеленью, перевязанная, как путами, конструкциями гидроэлектростанции. Теперь еще добавят отходов химкомбината — как раз около «Щелыкова». Волга! Волга! Погублен будет и усадьба, где жил и работал великий драматург российского театра.

Мы писали об этой трагедии во многих инстанциях. Но, к великому сожалению, пока все остается по-прежнему.

«Крокодил» является, пожалуй, последним местом, куда обращаются за помощью театральные деятели. Помогите!

Марк АБРАМОВ,
народный художник РСФСР.

Руководитель одной из наших славных республик проводил совещание с руководителями областей. И, завершая его, расслабившись, посетовал: «Нужно быть проще. Все мы люди-человеки, у всех свои недостатки, есть шалости. Вот я, например, с детства люблю на отдыхе дразнить кошку — «мяу». И если об этом скажут вслух — то ничего страшного, пусть народ пошутит». Областники нервно потеребили галстуки, а кое-кто потянулся за минералкой. Между тем выступающий оживился: «Великий французский президент генерал де Гольль, не поверите, каждое утро начинал с просмотром прессы и, если на него не было десятка карикатур, сильно расстраивался из-за потери популярности». — Он отпил из стакана. — Это же обидно, товарищи, что самые популярные в нашей стране — слесари-водопроводчики. На них карикатура сколько угодно, а на нас — ни одной, вроде мы не существуем. Начну с себя. Начну с себя — пусть рисуют, опубликуют любой шарж или смешной коллаж, я не боюсь. Действуйте! Я не боюсь!»

«Все мы люди-человеки. У всех свои недостатки, шалости. Вот я, к примеру, с детства на отдыхе люблю дразнить этих: «Бэ-бэ», — он заблевал натурально, как овца. Или, скажем прямо, как барабан. — Но никто у нас над этим делом не шутит, вроде бы не замечает. Это обидно. На генерала де Гольля по десять карикатур в день публиковали, — он поднял пальцы вверх, — а на нашего — ни одной. Вот он и просит меня, а я вас лично прошу постараться. Нарисуйте, как умеете. Я о вас не забуду. Выручайте.

— А сколько за работу дадут? — мрачно спросил Василий.

— Лет пять, наверное, — неуверенно ответил кто-то из «своих».

— Но, товарищи, я вам гарантировано без конфискации имущества, — загорялся хозяин. — И овощи свежие будут туда носить круглый год. Я прикреплю сохов.

— Я не могу, — сказал Василий. — Мне новый трактор обещали.

— Детей жалко, — покрутил узелок с бельем Рабинович.

— Старейший оформил в институт, как совхозных стипендият. Хату отремонтирует. В очередь на «Жигули» поставим как механизатора... Выйдите и сразу поедете.

— У меня прав нет, — простонал бедный учитель.

— А у нас права и не нужны. Пока я на месте. Соглашайтесь.

— Вам нести или прямо в органы? — тоскливо спросил Рабинович. — Я уже с бельем. Или можно пока домой?

— Мне, мне! Мы на бирю утвердили, потом дальше по инстанциям...

Через неделю номер районной газеты с карикатурой был отправлен в столицу. Остальной тираж пустили на расстолку нового котла в старой бане.

Газета пришла на домашний адрес, чтобы видело поменьше глаз. Заказчик был ошеломлен. В нем боролись раздражение, гнев и здравый смысл. Он рассматривал карикатуру так и этак. Что и говорить: неприятно. Махмуд Васильевич недаром изучал фотографии и доклады. Кое-что угадал точно. Наконец, нервно хихикнув, он позвал жену. Она была из деревенских, серьезных, кандидатов наук. Но, увидев карикатуру, не выдержала и захахала. Нехотя, словно освобождались от чего-то тяжелого, засмеялся и он: «Знаешь, на де Гольля каждый день по десять карикатур рисовали». Жена совсем развеселилась, просто засмеялась от смеха: «Дегольчик ты мой, еще девять осталось — и додоны!»

Милиционер у дверей, услышав неслыханное, припал ухом к глазку.

— Смеются, — растерянно произнес он. — Вроде даже не начальники.

— И нормальные люди.

З борис Заходер

Когда

К мысу Горн
Рыба-Меч
Подплыла,
И на весь Мировой океан заорала:
— Перекуйте
сейчас же
меня на орал!

Ей ответили:

— Горна для этого мало.
Нужен молот (волшебный).
Волшебник-кузнец,
Наковальня,
Мехи,
Но и тут не конец:
Нужно прежде всего
чтобы время настало.

Совет современному

Переливай
Из пустого в порожнее,
Только,
Пожалуйста,
Посторожнее!

Комары

Какие могут быть
Еще вопросы?
Осточерти всем
Вы, кровососы!

Всю жизнь, всю жизнь жужжать
На той же ноте —
Неужто мало вам,
Что крови вы пьете?

Хотя чуточку скромней
Себя ведите:
Сосите, так и быть,
Но не зудите!..

Осел-оригинал

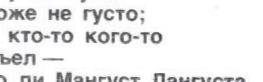
Осел
Женился
На Осе.
— Большой Осел!
— Но не как все!

Песня лягушек

Лягушек спросили:
— О чём вы поете?
Ведь вы же,
Простите,
Сидите в болоте!

Лягушки сказали:

— О том и поем,
Как чист и прозрачен
Родной водоем!

Мангуст и Лангуст

У Мангуста

В животе было пусто.

И у Лангуста —

Тоже не густо;

И кто-кого-то

Съел —

То ли Мангуст Лангуста,

То ли Лангуст Мангуста;

В сущности,

Кто — кого —

Важно лишь для него,

Для него одного...

Койот

— Все на меня:
«Завыл, койот!»
А у меня
Душа поет!

З

«Девятьсот тысяч несовершеннолетних в год задерживаются за правонарушения и бродяжничество. В 1987 году убито 1299 детей, а еще 2194 покончили жизнь самоубийством».

А. ЛИХАНОВ,
из выступления на Съезде народных депутатов СССР.

Mаленький, аккуратный городок в Карпатах, казалось, был перерезан глухой стеной. Казенно-желтого цвета и фундаментального сложения, она ползла вдоль улицы и никак не вписывалась в игрушечную картинку города с улочками, выложеннымами плиткой, цветочными магазинами и тенистыми переулками.

Я брала вдоль стены... Вот и дверь, маленькая, малоприметная, запертая. После дотошных расспросов пожилой охранницы — кто такая, зачем приехала, к кому, с кем созванивалась, меня, наконец, пропустили.

Яркое южное солнце отражалось в пестрых рисунках, которым был разукрашен асфальт маленького дворика. Сидя на корточках, двенадцатилетние девчушки щадительно выцарапывали счастливую жизнь: папу, маму, собачку, ромашки и, конечно же, радостных детей.

В тот день в Стрыйской школе для детей, нуждающихся в особых условиях воспитания, проходил конкурс рисунка на асфальте. Конкурс был закрытым, как, впрочем, и само заведение. Но отнюдь не о пансионе благородных девиц пойдет речь, за угромной стеной располагалась специальная школа для девочек от 11 до 14 лет, которых в народе принято называть «некошими», «трудновоспитуемыми», «неблагополучными» — так, более профессионально, определяют их педагоги. Вместе с завучем школы мы прошли по коридорам здания, где до 1963 года располагалась тюрьма. Спальни — бывшие камеры, решетчатая дверь в столовой, узкие подслеповатые окна — все настраивало на унылый лад.

— Что-то у вас цветов на окнах не видно, — заметила я.

— Не растут, — объяснила завуч, — у нас и живого уголка нет. Здесь ничего живое не живет — специфика помещения.

Чем же так сильно напугали взрослое общество эти девушки-пичужки?

Вот Надя... Ей тринадцать. Два года назад эта девочка уже научилась всему, что в пору знать зрелой dame легкого поведения. Науку любви преподавала родная мамаша, главным образом напирая на практические занятия. Мамины знакомые — все сплошь разбитые мужички — вскоре стали поглядывать и на веерящую под ногами малолетку.

— А ну, садись за стол, Надя! — сказали однажды кто-то из них. — А то в своем доме, как чужая. Уж выросла.

— Садись, садись, подружка, — развеселилась неизвестно почему подвыпившая мать.

Так Надя попробовала спиртное. А затем и запретный плод любви.

— Ты, Надя, главное, не тушуйся, — дыша по утрам перегаром, наставляла мамаша, — за тебя мужик сейчас все отдаст.

Но, увы, осипать дарами их никто не торопился. Наоборот, расходы на выпивку пожирали и без того скудные грозди. За хроническую неуплату им отключили свет. Балконную дверь, вышиб дядя Боря, упав на нее, а во входной сломался замок, и дверь не закрывалась вовсе, что служило постоянным предметом для шуток.

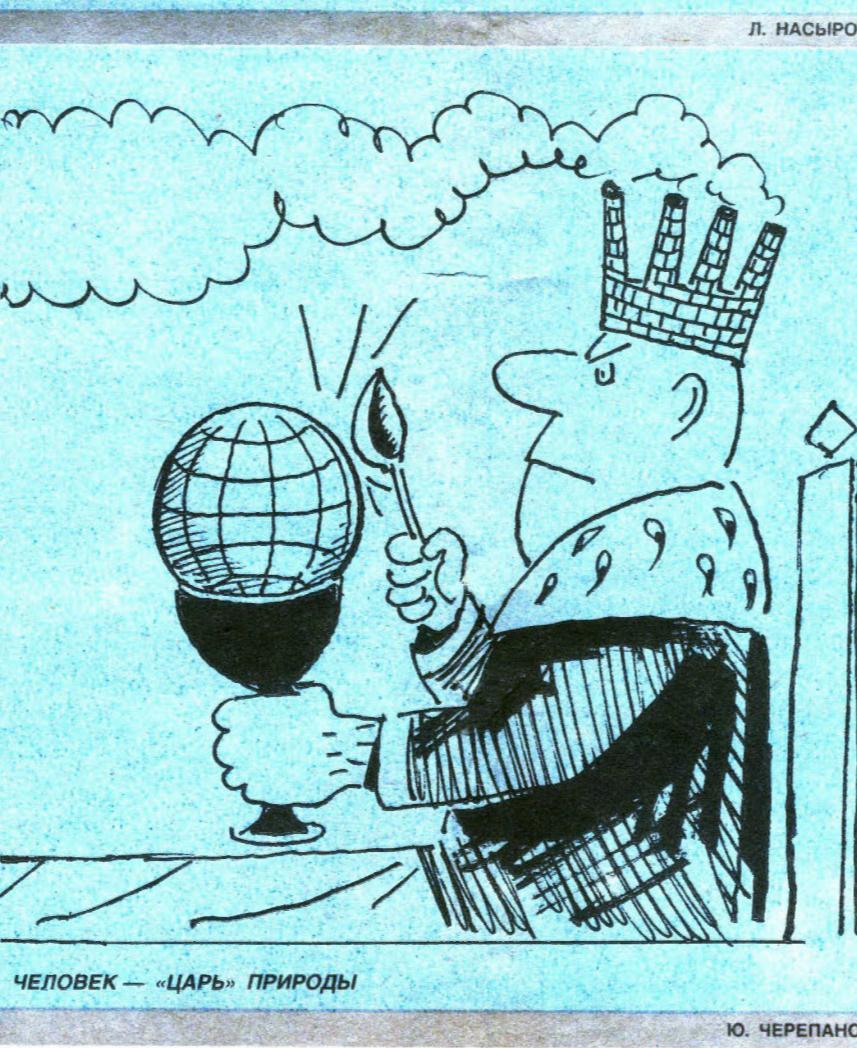
Надячувствовала, что жизнь идет наперекосяк, настроение было гадким. По городу ползли грязные слухи, и она начала стыдиться школьных подружек. Да и они не стремились общаться с ней: кому мать позволит с такой водиться! Самую близкую ее приятельницу родители даже отпустили. Надя бросила школу и пустилась в бега. Немного прожила у любовника матери — ближе, как ни печально, никого не оказалось,

а потом удрала и от него. За бродяжничество инспекция по делам несовершеннолетних отправила Надю сюда, а мать сгинула в неизвестном направлении искать свое женское счастье.

Словно страницы жестоких романов, листаю я судьбу этих девчонок. Ну... Ее спасала родная мать, а затем старик сторож, воспользовавшийся затюканым положением малолетки: велел по ночам приходить в сарай. Сначала пообещал велосипед, который для Нины был, как для другого «мерседес».

Ирина СКОРОБОГАТОВА,
специальный
корреспондент
Крокодила

НЕХОРОШИЕ ДЕВОЧКИ

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

В НАШЕМ ЦЕНЕ

НА ЕГО МЕСТЕ ТАК ПОСТУПИЛ БЫ КАЖДЫЙ!

...Ну, что я могу сказать о новой книге Михаила Жванецкого «День за день»? Ну, прочитал я эту книгу... Правда, в некоторой спешке, потому что в ней как-никак 412 страниц, а мои друзья (тоже «друзья» называются!) дали мне ее ровно на два дня и две ночи: за неё, видите ли, уже установилась очередь! Поскольку те, которые в очереди, не могут пойти и купить ее в книжном магазине. Поскольку она так быстро была продана. Только Жванецкий здесь ни при чем. Просто у нас хорошо поставлено книготорговое дело.

Ну, что можно сказать об этой книге?

Откровенно говоря, такую книгу может написать каждый! Если только он родился или долго жил в Одессе. Там просто климат соответствующий. Так было с Ильфом и Петровым, так было с Катаевым, Бабелем, с доком Ришелем... Впрочем, док пробы в Одессе недолго, поэтому не успел начать острить по-одесски... (Я, к сожалению, тоже был в Одессе только проездом.)

И, конечно, каждый мог бы издать такую книгу, если бы у этого каждого были бы такие необыкновенные зеленые глаза, как у Жванецкого, перед которыми не может устоять ни одна редакторша, даже такая бескомпромиссная и принципиальная, как Лариса Гамазова из издательства «Искусство» (лично у меня глаза другого оттенка, что, видимо, и помешало мне издать подобную книгу...).

И, наверное, у каждого рвали бы из рук его сборник, если бы у этого каждого была бы такая же популярная фамилия, как Жванецкий...

Впрочем, и это не его заслуга, потому что каждый мог стать популярным, если бы его монологи читали с эстрады такие знаменитые артисты, как Аркадий Райин, Роман Карцев и Виктор Ильченко, Сергей Юрский: им что ни дай, у них все получится смешно. Но почему-то они не все берут. И не у всех! Видимо, фамилия не та. (Лично у меня фамилия тоже другая. А то бы... Будьте спокойны!)

Теперь дальше: я уверен, что каждый сможет пропихнуть в печать свое «избранное», если бы предисловие к нему написал такой известный писатель, как Андрей Битов. С его предисловием и я бы мог! Так что никакой заслуги Жванецкого и здесь я не вижу...

Правда, надо быть справедливым, на концертах, где Жванецкий сам читает свои рассказы, обычно бывает полно народа. Так ведь у каждого был бы полный зал, если бы они (об этом сам Жванецкий говорил по телевизору, будучи в жюри на конкурсе красоты) привозили из-за границы импортные сигареты. Со смокингом-то каждый сможет!..

Ах, да!!! Я же о книге!..

И тут для полной объективности с горечью должен отметить, что она не лишена существенных и принципиальных недостатков. Главный из них — мало своего, оригинального, привнесенного самим писателем, его наблюдениями, фантазиями. Огорчает и разочаровывает, когда видишь, как много заимствовано им из, так сказать, народного творчества, из фольклора. Тут писателем полностью утрачено чувство меры. Ну, хорошо, заимствуя раз, заимствуя два, но нельзя же до бесчувствия. Листаешь книгу и встречаешь сплошь и рядом знакомые, много раз услышанные, ходовые, примелькавшие выражения... Судите сами:

«Нормально, Григорий! Отлично, Константин!» Знакомо? Еще бы! Заимствовано у народа!!!

«В Греческом зале, в Греческом зале! Фольклор? Фольклор!

«...Но если меня в тихом месте прислонить к теплой стенке, со мной еще очень, очень можно поговорить: о Восьмом марта, о весне, о вас, женщины...» Узнаваемо? Еще бы — сотни раз слышано!

Конечно, может быть, я субъективен. Поэтому хочу объективности ради привести цитату из книги Жванецкого, где он поместил мнение одного из своих «поклонников»: «Жванецкий был всегда мне симпатичен. Еще с недобрых времен застая. Ну, я всем так и говорил. Только те услышали и мне вразумили: «Ты думай, когда хвалишь. Он не наш человек. До сих пор удивлялся, как это он столько лет устоял, а не... усидел... У него же все с подтекстом, с намеками. Пойди и всем так и скажи». Я пошел и сказал, что те считают, что он не наш, что у него все с намеками. А эти сказали: «Что ты болтаешь? Он честный, хороший писатель. И книга у него вышла хорошая, острая, смешная. Так всем и скажи!» Я пошел и сказал всем, что он честный и книга у него хорошая. Тогда те спросили: «А ты от кого это слышал? Называй фамилии и адреса. Или, может, ты диссидент, если Жванецкого хвалишь? Иди сейчас же и скажи кому надо, что он очернитель нашей светлой действительности». Я пошел и сказал, что те говорят, что он очернитель. Тогда те услышали и сказали: «Слабак ты, своего мнения не имеешь. А все потому, что...» А дальше они про меня такое сказали, что я повторять не буду, чтобы не засорять наш звучный, красивый язык...»

Вот такое мнение высказал товарищ. Я вам его сообщил в порядке информации. А теперь, если вы, прочитав мою беспристрастную рецензию на книгу Михаила Жванецкого, побежите занимать очередь за ней, рассчитывая на дополнительный тираж сверх тех ста тысяч экземпляров, которым она издана, то имеите в виду: вы будете сто тысяч вторым, а сто тысяч первым занять очередь я. И вообще вы тут не стояли!..

Виталий АЛЭНИН.

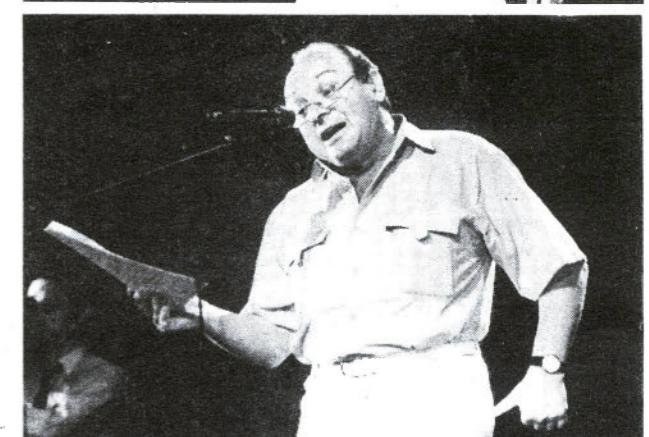
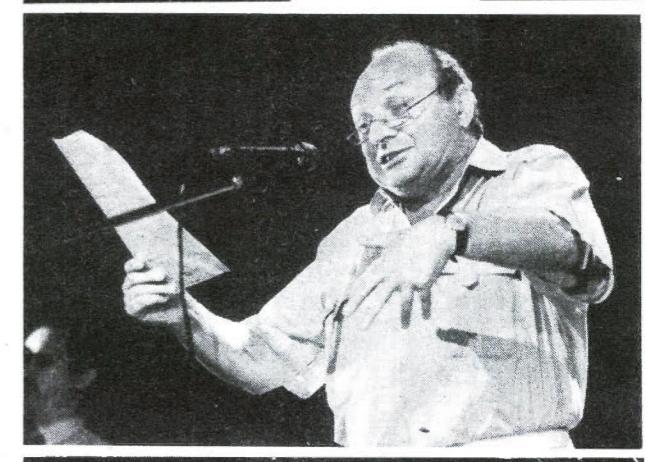
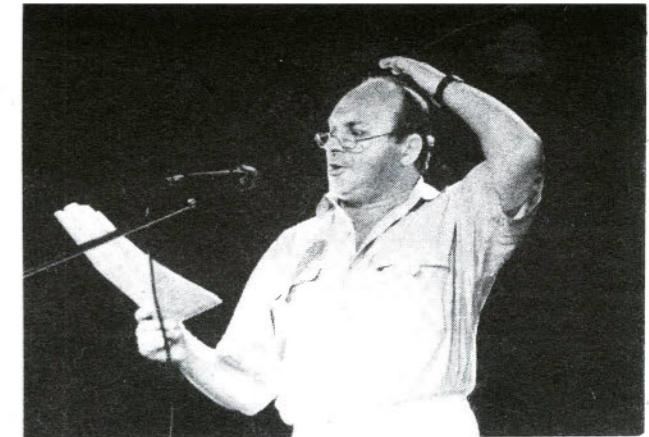

Фото Б. КРЕМЕРА.

Раймонд ПАУЛС:

«Беда в том, что исчезают профессионалы»

— В стране происходят сложные, подчас противоречивые процессы — политические, экономические, национальные. Многие растерялись, считают, что положение наше безнадежно, что мы стремительно летим в пропасть. Но, с другой стороны, налицо и позитивные явления, такие, например, как явная демократизация общества, гласность, конструктивные предложения ученых, неформальные движения и т. д. Это показали и первый Съезд народных депутатов, и последовавшая за ним сессия. Раймонд Вольдемарович, как вы, народный депутат СССР и депутат Верховного Совета Латвийской ССР, оцениваете ситуацию в стране?

— Я бы не стал очень уж драматизировать ситуацию. Я тоже слышу, как некоторые говорят: «Это катастрофа! Это гибель!» Я с такими мнениями абсолютно не согласен. Да, положение в стране сложное, мы, так сказать, дошли до ручки и должны сейчас как-то выкарабкаться. В том числе и в области межнациональных отношений, которые развиваются местами даже опасно... Мы ко всему этому оказались совершенно не готовы! Мы привыкли, что все сложности, разные митинги, забастовки, пикеты — это все там, у них, где-то за океаном. Но когда все это появилось у нас, нам уже кажется: конец света... Но, посмотрите, вон в Англии то и дело бастуют — то одни рабочие, то другие, то все аэропорты позакрывали! А они, представьте, не переживают особо, просто стара-

ются скорее найти решение конфликта. Потому что в общем-то это вполне нормальная ситуация — форма борьбы людей за свои права. И нам надо отбросить эмоции и искать выход.

Возьмем нашу экономику. Да, мы сидим здесь в глубокой яме, так аккуратно скажем. И если кто-то что-то в этом смысле рациональное предлагает или уже даже пытается делать — надо всячески идти навстречу. Логично?

Оказывается, не для всех. Я вот недавно после операции, поэтому в основном находясь дома, смотрю по телевизору сессию Верховного Совета СССР. А там обсуждали как раз литовские и эстонские программы по переходу на экономическую самостоятельность. С удовольствием смотрю, как братья-прибалты все прекрасно продумали, умно обосновывают. Казалось бы, радоваться надо, что хоть кто-то все продумал, идет первым вперед, рискует даже. Но... смотрю я телевизор, наблюдаю реакцию депутатов, и мне становится обидно до слез: хотя и приняли программы, но как же много у них было противников! И где? В ВЕРХОВНОМ СОВЕТЕ СТРАНЫ!?

Известно, что мы, прибалты, и сейчас живем несколько лучше, чем, скажем, в среднем по России. А почему? Убежден: потому, что здесь еще не до конца потерян вкус к труду, в частности крестьянскому. Нас, по-моему, спасает то, что в нашей крови еще осталось чувство хозяина, частный интерес, который сейчас модно называть экономической заинтересованностью. А у нас вечно какие-то шоры перед глазами: то одного слова боимся, то другого, все нам мерещится, что скатываемся в капитализм. А частный интерес — это ведь никакой не капитализм, это просто человеческая сущность, вот и все.

Но все же я не пессимист. Посмотрите, это же здорово: люди начали говорить то, что думают! И дал это Съезд. Конечно, было и много хаоса, культуры дискуссий не хватало. Были и омрачающие моменты, как, скажем, в эпизоде с академиком Сахаровым. Это, я считаю, просто позор для всех нас. Убежден: на следующем Съезде мы должны перед ним извиниться от имени всего Съезда.

Конечно, Съезд затянулся, да и последующее назначение министров... это тяжело было вынести, оно, по-моему, проходило в старых, бюрократических традициях. И вообще странно: все депутаты вроде ругают претендента на пост, а начинают голосовать и... назначают! Где тут логика? И потом смотрите: как я могу голосовать за человека, если я его вообще не знаю? Какой он человек? Какой специалист? Разве в таких условиях можно выбрать достойного?

Могут сказать: что же, мол, ждать от Верховного Совета, который не совсем удачно подобран, да еще на 5 лет... Я считаю, самая большая ошибка — выборы депутатов от общественных организаций. Это явный удар по демократии. Уточню: выдвигать от общественных организаций можно, но сами выборы должны быть равные для всех кандидатов. А то все эти «общественники», квоты: 100 кандидатов на 100 мест, еще раз 100, потом 75, да еще от ветеранов, от филателистов... Это самая консервативная часть Съезда.

И окружных собраний никаких не надо. Ясно же, это лишнее аппаратное

сито, где отсеиваются неугодные кандидаты.

И еще. Считаю, что выдвижение известных людей должно прекратиться. Мы, творческие работники, можем, конечно, умно говорить, особенно писатели, это тоже на каком-то этапе нужно. Но когда начинается работа над законами, по которым нам жить, — какой, например, от меня толк? Ну, в самом деле, как я могу разобраться во всех этих экономических системах? А ведь я должен принимать серьезные решения, в которых ничего не понимаю. Поэтому что я **не тот специалист**. Я могу сказать, кто хорошо поет, а кто плохо. А для работы в Верховном Совете нужен совсем другой специалист. Экономист, юрист, профессиональный политик. То есть каждый должен делать свое дело.

Вот прошли забастовки шахтеров. Они отчетливо показали, что профсоюзы — ноль! Абсолютно пустое место! Ведь именно они, профсоюзы, должны были защищать интересы и права рабочих, тех же угольщиков. Так вот, если б профсоюзы раньше занялись этим своим прямым делом, убежден, забастовок бы не было. А они лишь распределяют путевки — и ничего более!

Вы, известный композитор, виртуозный джазовый пианист, народный артист СССР, теперь еще и министр, точнее — председатель Госкомитета Латвии по культуре. С какими проблемами вы столкнулись на этом посту?

— Прежде всего с тем, что, оказывается, мне надо почти забыть, что я композитор и пианист. Сочинять музыку удается лишь урывками, как вот сейчас, в отпуске, после больницы... А что касается проблем в области культуры... Лучше, чем сказал на Съезде академик Лихачев, не скажешь. Это было единственное выступление, под которым я мог бы подписаться безоговорочно. Абсолютно разделяю его боль; его высочайшую требовательность. Но... к громадному сожалению, его речь не была должным образом воспринята аудиторией. Видимо, в свете переживаемых страной событий... сейчас немного не до того.

Ведь до сего дня мы, культура, держимся на том, что нам соизволят дать. До сих пор действует в отношении культуры тот же самый, всеми уже изурганный **остаточный принцип**. Мы настолько все запустили, что буквально не знаешь, за что хвататься. Например, в Риге ничего после войны не построено! За 44 года — один театр. Один! Театр имени Райниса на улице Ленина. И все. Остальное — старые, дряхлые здания, в которых и концерт то серьезный не проведешь. И вот в чем моя министерская деятельность — постоянно что-то пробиваю. А собственно культурой уже и заниматься некогда. Хотя проблем здесь...

Главная из них: несколько поколений мы уже упустили, а попросту — испортили. В смысле культуры. Сейчас очень трудно найти истинно культурного человека. Такого, как, например, тот же академик Лихачев. Или, скажем, очень умный, интересный Ролан Быков... Культурного человека надо нам сейчас заново создавать. Сначала мы его убили, а теперь надо быстренько, по заказу создать. Но как? Это ведь воспитывается веками! Начинать надо со

школы. Как меня учили? То цитаты Сталина зазубривали, то Хрущева, потом Брежнева... И каждый раз после кончины одного «пророка» заставляли выкинуть из головы его цитаты, а учить следующего. Все эти эпохальные «Малые земли», «Возрождения»... Сколько же мы потеряли на этом!

Надо срочно менять университетские, консерваторские программы. Больше заниматься **специальностью**. Овладевать профессией. Беда в том, что исчезают профессионалы. Уже почти нет! Своих мы истребили, а многие таланты и мастера укатили из страны, убежали от этого ада. Теперь мы о них сожалеем, просим прощения, кусаем локти, ведь это были лучшие наши интеллектуальные силы. Вспомним хотя бы Ростроповича.

Вот еще с какой проблемой столкнулся я на посту министра: даже в министерство почти невозможно подобрать работника, который бы знал дело. Или нужен директор театра — не можем найти! Тут же нужен не просто администратор, а человек, знающий театр. Не говоря уж о том, что и платить мы ему достойно не можем. Как, впрочем, и актерам театра. Эстрадникам-то сейчас полегче, у них есть возможность работать с кооперативами, которые платят бешеные деньги. Это, конечно, перекос, и я не уверен, что такие кооперативы заслуживают похвалы. Но, с другой стороны, я — за актера! Потому что дико же, когда актриса такого уровня, как Алла Пугачева, еще недавно получала за целый концерт... 40 рублей! А теперь кооператив платит тысячи. Конечно, тоже абсурд, но я лично рад за талантливых актеров, пусть зарабатывают, пока их искусство требуется публике. Это же своеобразный рынок!

— И последнее, Раймонд Вольдемарович. Крокодил не может обойтись без специфического вопроса: что вам показалось смешным или, может быть, нелепым в последнее время?

— Ну... Озадачили вы меня... Самое смешное и радостное для меня сегодня — это появление внучки. Все мои умиления вот уже два месяца связаны только с этим. А в общественной моей жизни если и есть смешное, то оно действительно одновременно, как вы сказали, и нелепое. И связано, между прочим, с системой выборов в народные депутаты. Я уже вам говорил: в се без исключения кандидаты должны проходить на общих основаниях, от территории. В противном случае получается и смешно, и нелепо. Вот я, например, по три-четыре раза в день выступал перед избирателями в Лиепае, отвечал на неприятные вопросы, убеждал в чем-то, спорил. А другой наш депутат ничего этого не прошел, стал депутатом шутя, как в прежние времена, без всякой альтернативы. И еще над нами, такими, как я, издевается. И вот самое смешное: на Съезде он подходит ко мне и объясняет, что я, дескать, не имею права говорить от имени республики. Значит, он, которого сюда послали сто человек, имеет это право, а я, которого выбрал народ, не имею права?! Смешно и нелепо...

В кулуарах сессии Верховного Совета Латвии депутату Раймонду Паулсу докучал Григорий КРОШИН.

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ

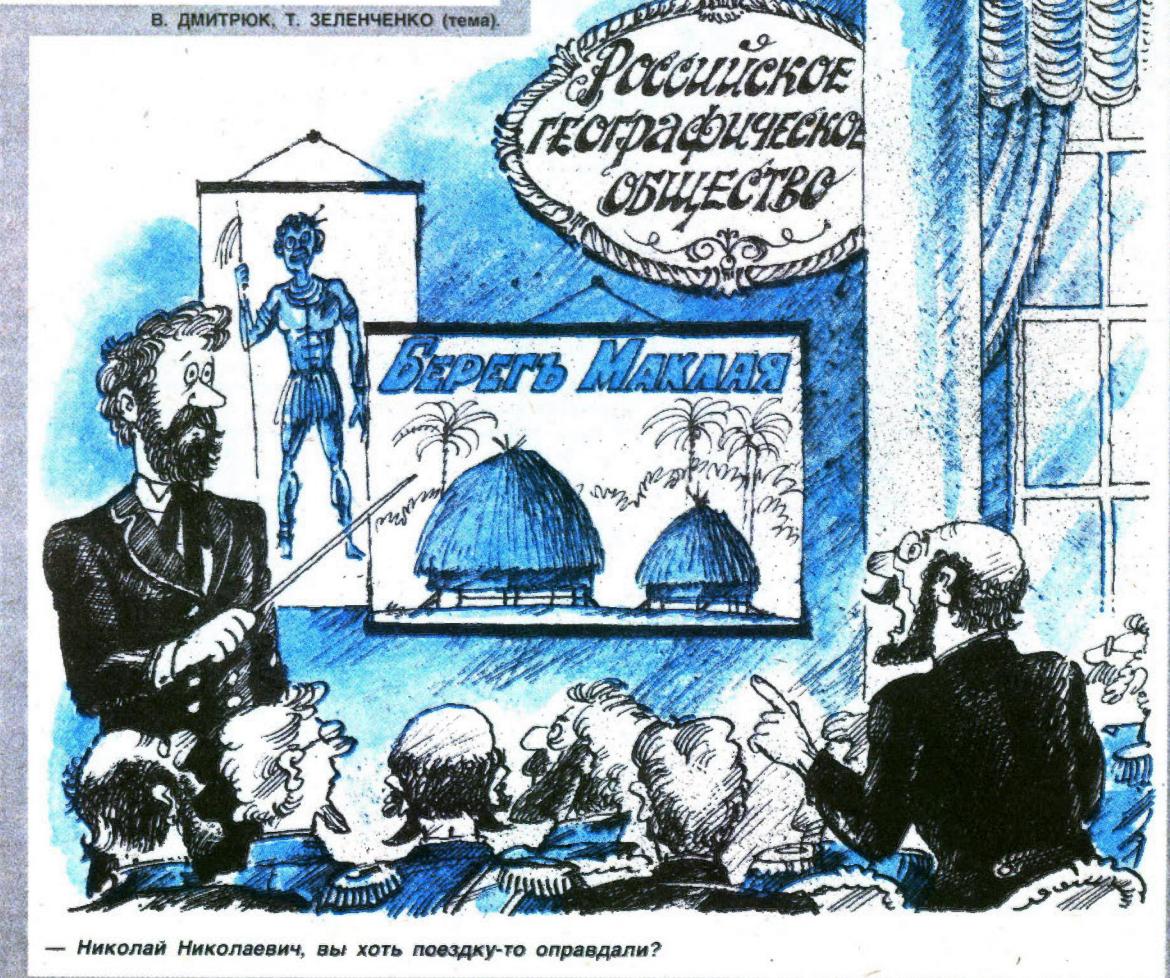
Гаммы 1940-х...

В. ДМИТРИЮК, Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО (тема).

В. МОЧАЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

Е. СНЕЖКО (Ярославль).

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. ТИЛЬМАН (тема).

Kонечно, другие учреждения тоже спасали. Но делали это как-то вяло, с оглядкой, зачастую даже без материального ущерба. А вот Госкомиздат УССР в 1984 году действовал решительно и рубил наотмашь, как и подобает идеологическому учреждению. Хорошим доказательством этому служит ниже следующий документ:

РЕШЕНИЕ КОЛЛЕГИИ

Ознакомление в Госкомиздате УССР с контрольным экземпляром книги В. Терехова «За перевалом перевал» (издательство «Таврия», редактор Сосновский С. К.), рецензии специалистов показали, что в этом издании допущены крупные ошибки идеально-методологического характера...

Важные вопросы охраны окружающей среды в книге противопоставлены научно-техническому прогрессу, который трактуется как неизбежное зло, что в корне неверно, противоречит утверждавшейся в социалистическом обществе практике природопользования...

Коллегия решила:

Распространение книги «За перевалом перевал» запретить. «Укрніг» возвратить тираж издания для уничтожения. Убытки отнести на результаты финансово-хозяйственной деятельности издательства.

Поручить руководству издательства «Таврия»: ...в установленном порядке решить вопрос о дальнейшей работе в издательстве старшего редактора т. Сосновского С. К.

А. ПАЩЕНКО,
председатель Госкомиздата УССР.

Представляю себе лицо читателя, снедаемого сомнениями. Ведь коллегия — сплошь столпы книгоиздательского дела и генералы от литературы. Неужто некому было вырезать из решения коллегии унтерские формулировки вроде «убытки отнести на результаты»? Увы, читатель, сделать это не так-то просто: решение коллегии вступает в единоборство не только со стилистикой, но и с самим здравым смыслом. Да и как не вступить, если решение создавалось в запале, с коим столпы книгоиздания защищали социализм от автора книги «За перевалом перевал» В. Терехова и старшего редактора С. Сосновского?

Итак, тираж стоимостью 78 тысяч рублей был уничтожен. Причем сделано это было, так сказать, не только собственным разумением коллегии, а на основе двух рецензий, из коих в решение перекочевали фразы, отдающие политическим доносом тридцатых годов. Вот как оценивает книгу кандидат филологических наук В. Карпенко: «Главный, пожалуй, просчет автора и издательства... заключается в смещении социально-классовых критериев при оценке научно-технического прогресса... Известно, что научно-технический прогресс нередко оказывает отрицательное влияние на состояние экосистемы. Особенно остро это проявляется в классовом обществе, в империалистических странах... Комментарии, как говорится, излишни: отсутствие классового подхода часто заводит в дебри абстракций».

Любопытно, каким образом автор и редактор краеведческой книги суме-

ли вступить в противоречие аж с самим социализмом? А очень просто: они призывали господствующий класс — пролетариат не губить деревья, не загаживать реки и вообще бережно относиться к природе.

Примерно такая же история случилась и с другой аналогичной книгой редактора Сосновского, по поводу ко-

ночного сторожа: за что уничтожили безобразную краеведческую книгу, которая, кстати, до этого уже выдержала два издания? Прочитав книгу и ничего опасного для социализма не обнаружив, корреспондент уставился на ее обложку и, напрягая фантазию, стал искать что-нибудь антихудожественное. Увы, на обложке изо-

тиск директора издательства И. Клоссовского и зав. редакцией Г. Гржебовской. Теперь ему было недосуг покушаться на устои социализма, он почти еженедельно «нарушал трудовую дисциплину» и почти ежеквартально «срывал сроки сдачи рукописей», за это и был снова уволен в 1987 году. Надо же, двадцать лет считался высококвалифицированным редактором, передовиком производства, имел 30 поощрений за хорошую работу, вписаных в трудовую книжку...

И выпутаться из этой истории Сосновский уже не может. Обращается в суды и прокуратуры всех инстанций, в Крымский обком КПСС, в Госкомиздат СССР. Более того, лично и неоднократно председателю Госкомиздата СССР писали деятели науки и культуры г. Симферополя, включая писателей, докторов наук и академиков — общим числом 48 человек, знающих С. Сосновского по совместной работе.

Ответы же получали от того, на которого жаловались, а именно от начальника управления сводного тематического планирования и координации Госкомиздата УССР А. Ирлина и его заместителя А. Слободянника. Те, словно под копирку, штамповали отписки в том смысле, что Сосновский, мол, «на протяжении длительного времени в ущерб интересам дела нарушал не только производственную, но и трудовую дисциплину, допускал грубые ошибки».

При дотошном расследовании выяснилось, что «грубые ошибки» — это самые, которые в решении коллегии назывались «крупные ошибки идеально-методологического характера». Что касается нарушений трудовой дисциплины, от этого никуда не уйдешь. Бдительное руководство издательства несколько раз фиксировало отсутствие Сосновского на рабочем месте, когда он бегал в суд или прокуратуру, стараясь защитить свое добре имя.

Ныне руководство Госкомиздата УССР сменилось. Не будем подозревать теперешнего председателя Ю. Дьяченко в том, что он очень внимательно прочел приведенные здесь решения коллегии и приказ. Иначе, надо полагать, он бы или смущился, или возмутился. Во всяком случае, именно такая реакция была у заведующего идеологическим отделом ЦК КПУ Л. Кравчука, которому корреспондент Крокодила дал прочесть приказ об уничтожении книги «Бахчисарай».

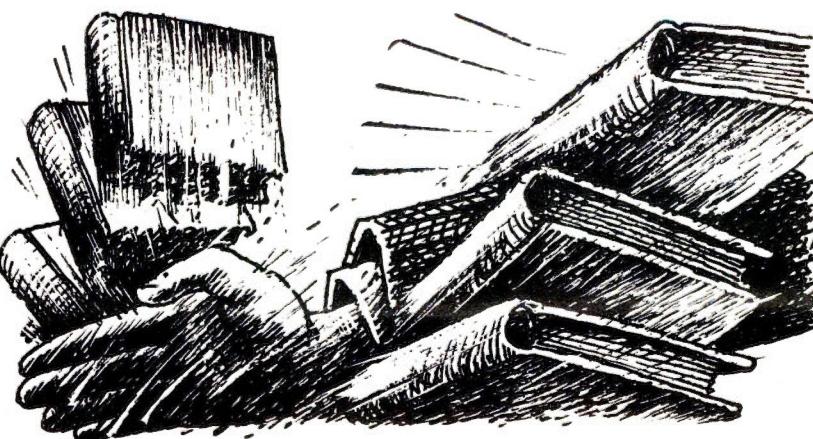
— Ну, в наше время такая ситуация исключена! — возмутился Леонид Макарович, пообещав во всем разобраться...

С тех пор прошло больше года. А ситуация мало в чем изменилась. Ницанс тако: теперь Сосновский обвиняется не в подрыве устоев социализма, а в супружестве, интриганстве и обладании дурным характером. Теперь, дескать, и рады бы восстановить его в прежней должности, да боятся, что он разложит здоровый коллектив издательства, руководимый все тем же И. Колоссовским, который изгонял его с работы. Так что пусть лучше остается ночных сторожем и крепко сторожит вверенный ему объект...

Симферополь — Киев — Москва.

**Виктор ПОДКОВА,
специальный корреспондент Крокодила**

ОХОТА ЗА ВЕДЬМАМИ, ИЛИ КАК ГОСКОМИЗДАТ УССР СПАСАЛ СОЦИАЛИЗМ

торой также был приказ по Госкомиздату УССР «О серьезных ошибках, допущенных издательством «Таврия» в книге «Бахчисарай». Вот его основная суть:

1. Распространение книги «Бахчисарай» запретить, тираж уничтожить...

2. Принять к сведению, что редактор Сосновский С. К. от занимаемой должности освобожден.

Ну и, конечно, любимое: «Убытки отнести на результаты». Как и вышеупомянутое решение коллегии, образец этого языковорчества предписывалось «разослать всем издательствам, объединениям Госкомиздата УССР и облполиграфиздатам». Не иначе, для того, чтобы брали пример с вышестоящей инстанции.

Вот этот приказ и принес корреспонденту Крокодила бывший редактор издательства «Таврия» С. Сосновский, ныне состоящий в должности

брожается мозаичная картинка, похожая на цветок.

— Да вы посмотрите, сколько лепестков у этого «цветочка»! — подсказал изгнанный редактор Сосновский.

— Шесть... — честно подсчитал корреспондент.

— Ага, значит, это не цветок, а звезда Давида!

Оказывается, ему самому объяснили это в интимной беседе ответственные работники Госкомиздата УССР А. Ирлин и А. Слободянник, проводившие следствие по книгам «За перевалом перевал» и «Бахчисарай». Видимо, через эту «звезду» редактор и пытался внедрить в социалистическое общество чужую давидовскую идеологию.

Редактора С. Сосновского, согласно приказу, уволили. Потом, однако, восстановили на работе — согласно решению суда. После этого он продолжался на работе целых два с половиной года, мужественно отражая на-

годно 100 тысяч франков плюс еще 2 миллиона франков в год в виде ренты с ферм, расположенных на поле былого сражения.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА ВАТИКАНА

Писатель Грэм Грин, будучи католиком, удостоился аудиенции у папы римского Павла VI. В разговоре выяснилось, что любимым романом папы был

и остается роман Грина «Власть и слава». Писатель в изумлении сказал: «Но ведь «Власть и слава» помещен в список запрещенных Ватиканом книг». «Мало ли дураков на свете!» — невозмутимо ответил папа.

**Близнецовых («ССС»)
нянчил А. БЕЙЛИН,
г. Москва.**

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

«ЛЯРУСС» А ЛЯ РЮС

В одном из изданий уважаемого французского словаря «Лярусс» статья об Иване Грозном в переводе с французского начинается так: «Иван Грозный — русский царь, названный за свою жестокость Васильевич...»

ЖИТЬ МОЖНО

По сообщению газеты «Интернэшнл геральд трибюн», бельгийское правительство выплачивает ежегодную пенсию наследникам герцога Веллингтона — победителя при Ватерлоо. Седьмой герцог Веллингтон получает еже-

ТУТ ОДИН РАССКАЗАЛ...

ЧТОБЫ УМЕСТИЛИСЬ ВСЕ ОРДЕНА...

Как-то Сталин вызвал А. М. Горького и сказал ему:

— Алексей Максимович, вот вы написали замечательное произведение «Мать». Не могли бы вы еще написать роман «Отец»?

— Не знаю, товарищ Сталин, на это ведь нужно вдохновение, но попытаться можно.

— Вот вы и попытайтесь. Ведь попытка не пытка. Правильно я говорю, товарищ Берия?

* * *

Однажды Л. И. Брежнев вызывает к себе министра торговли и говорит:

— Здесь от старых большевиков поступила жалоба, что в последнее время в продажу стала поступать водка, на упаковочной головке которой нет язычка — открывать неудобно!..

— Разберусь, Леонид Ильич...

Затем Брежнев прошел на кухню, достал из холодильника бутылку, отвернул винтовую головку и задумался: а зачем здесь еще язычок? Приведничают старички!..

* * *

— Когда у нас будет покончено с пьянством?

— В двенадцатой пятилетке.

— А почему не в одиннадцатой?

— В одиннадцатой будет покончено с закуской.

— Ты слышал, что Леониду Ильичу будут делать операцию?

— Нет. А какую?

— Расширять грудь, чтобы уместиться все ордена.

* * *

Брежnev, желая узнать благосостояние подданных, переоделся попроще и пошел в люди. Увидел мальчугана, жующего бутерброд с икрой.

— Где твой папа?
— Уехал на работу на новой машине.
— А мама?
— Уехала на рынок на старой машине.
— А дома кто?
— Бабушка. Смотрит цветной телевизор.
— Вот видишь, мальчик, это я для вас все сделал!
— Бабушка!!! Дядя Изя из Америки приехал!

Из коллекций читателей
Ю. ЖИЛЕНКО (г. Москва),
С. ЛЕВАШОВА (г. Сочи),
А. ГЛУШКОВА (с. Ильина Поляна
Башкирской АССР) и
Г. КУЛИЖНИКОВА (г. Москва).

В. ВИТАЛЬЕВ

ВИНОВАТА ТОЛЬКО ХАТА...

В ТОМ, ЧТО ПИСЬМА И ПОСЫЛКИ ИДУТ К НАМ ИЗ ЗАМОРСКИХ СТРАН МЕСЯЦАМИ

Для начала решим несложную арифметическую задачу. Дано: расстояние от Лондона до Москвы 2550 километров. 13 октября 1988 года из Лондона в Москву авиапочтой была послана открытка. Спрашивается: какого числа она достигнет адресата?

Считаем: средняя скорость современного самолета 900 километров в час. С учетом взлета и посадки он должен преодолеть вышеуказанное расстояние максимум за 4 часа. Сделаем поправку на почтовые формальности: сортировку, доставку и т. д. — по два дня с каждой стороны — и получаем, что открытка должна быть в Москве 17-го либо в крайнем случае 18 октября.

Теперь сверимся с ответом. Что такое?.. Мы ошиблись почти на 50 дней, ибо вполне реальная почтовая открытка с профилем королевы Виктории на марке, посланная мною жене 13 октября 1988 года из почтового отделения на лондонской Фаррингтон-роуд, была получена в Москве... 6 декабря. 55 дней понадобилось ей для покрытия расстояния в 2550 километров. Иными словами, она проковыляла через Европу со средней крейсерской скоростью 2 километра в час!

Я получил эту открытку спустя месяц после возвращения из Лондона и с интересом узнал, что у меня все в порядке и что погода в Англии необычно теплая для октября... Не забавно ли прочитать почти на два месяца запоздавший привет от самого себя?!

Кто же превратил мое скромное почтовое отправление в едва передвигающегося инвалида? Может, виновато британское ведомство, именуемое Королевской Почтой? Увы, нет. И я могу это доказать. Дело в том, что в тот роковой день 13 октября я послал из того же почтового отделения еще две открытки. Одна из них, адресованная моему другу в Чехословакии, была получена им через несколько дней. Другая, направленная на московский адрес моей матери, не пришла до сих пор. Значит... Вывод ясен...

Позвольте, скажете вы, а что если это не более чем единичные случаи, ведь из газетных колонок «Занимательная смесь» нам известны казусы, когда письма находили адресатов через годы и даже столетия...

К сожалению, нет. Еще примеры? Пожалуйста!

В июне 1988 года «Крокодил» принимал делегацию американских сатириков, среди которых был Рональд Паулсон, профессор университета Джонса Хопкинса в Балтиморе. 26 июня он вылетел домой, а 29-го послал мне обычное благодарственное письмо: спасибо, дескать, за гостеприимство и так далее... Я получил его... 31 августа. В письме среди прочего профессор сообщал, что послал мне в подарок несколько книг. 31 августа книг не было и в помине. В середине сентября я получил еще одно письмо из Балтимора, в котором любезный профессор выражал надежду, что я уже прочитал книги, отправленные им 28 июня...

Посылка с книгами пришла 30 сентября — через три месяца и два дня после отправления. Она была распечатана и наспех перевезена нашей родной бумажной веревочкой, что исключало возможность козней с американской стороны...

Не везет издательству «Прогресс». Бесследно канули в почтовую Лету два экземпляра «Книги рекордов Гиннеса», посланные издательством «Гин-

несс паблишэрз» для перевода и возможной перепечатки в СССР. Как видно, среди наших почтовых (либо оклон почтовых) работников попадаются и сориатели рекордов. Хотелось бы попросить держателя этих книг перевести их на русский язык и направить текст в издательство «Прогресс» для опубликования. Не будьте эгоистами, дорогие товарищи: не вам одним охота узнать про рекорды.

А может, наш славный Международный почтамт сам решил побить парочку рекордов? Скажем, по недоставке писем и посылок советским адресатам? Если так, то он близок к успеху. Примеры таких рекордов можно множить без числа. Можно вспомнить о том, что новогодние поздравления от своих английских друзей я начал получать с середины февраля — после наступления Нового года по восточному календарю. И о том, что письма, посланные с берегов туманного Альбиона в марте — апреле сего года, начали дружно приходить в июне. И о том, как была извлечена из посылки с книгами, отправленной мне газетой «Гардиан», популярная энциклопедия «Что должен знать каждый американец» (очевидно, у нас сочли, что не каждый советский гражданин должен знать то, что знает каждый американец).

Что же происходит? В каких почтовых закоулках пылятся и исчезают наши письма, посылки и бандероли? Нарушаются контракты, срываются планы, а Международному почтамту хоть бы что... Как это все увязать с курсом на открытость нашего общества, когда наконец после стольких лет окружающий мир начинает представлять перед нами во всем разнообразии, когда поездки за границу перестают быть привилегией усердных бюрократов и становятся будничными для многих наших сограждан? По какому праву растаскиваются и потрошатся наши посылки?

«Существуют ли контрольные сроки прохождения и доставки зарубежной корреспонденции?» — с таким вопросом я обратился к дежурному администратору Московского Международного почтамта, что на Варшавском шоссе.

«Таких сроков не существует», — был ответ. Это же подтвердила главный технолог Минсвязи СССР Ивкина Н. А. Удобно, не правда ли? И очень откровенно. Могли ведь, как другие, посетовать на нехватку людей и низкие оклады. А так — «не существуют» — и точка.

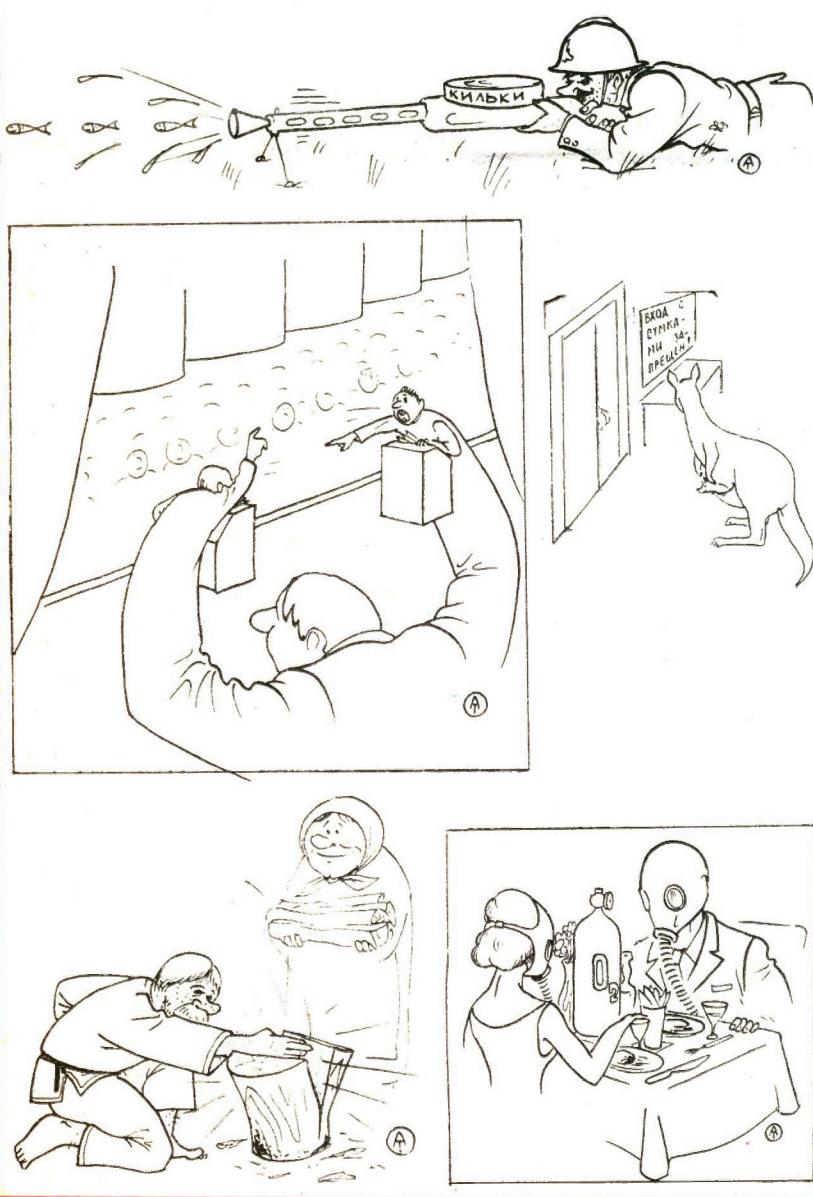
В бюро жалоб этого же почтамта мне разъяснили, что для того, чтобы начать поиски пропавшего отправления, необходимо прежде всего связаться (!) с отправителем и узнать регистрационный номер почтовой квитанции.

Итак, пишем открытку в Англию или США и просим отправителя сообщить регистрационный номер. Через два-три месяца (если, конечно, он не выбросил квитанцию и если опять повезет) получим от него ответ, и тогда отечественные почтовые сыщики отправятся на поиски пропавшей посылки. Может, найдут, а может, и нет... Заманчивая перспектива... А уж если исчезла заурядная открытка — то и вовсе пиши пропало.

Когда я выложил все эти аргументы сотрудникам почтамта, они любезно посоветовали мне... связаться с отправителем по телефону. Что ж, живи я в той же Англии, где из любого уличного телефона-автомата можно в течение секунд набрать Владивосток, Сидней или маленький городок Остин в штате Техас.

КРОКОДИЛИНКИ

А. ТАРАНЦЕВ

хас, я, возможно, воспользовался бы их советом.

Один мой английский приятель уверял, что любит поболтать со своим австралийским другом из собственной машины, несущейся по автостраде Лондон — Оксфорд. Когда я не поверил, он снял телефонную трубку и тут же в машине набрал Москву. Через десять секунд я услышал удивленный голос женщины, звучавший столь громко и отчетливо, словно она находилась на заднем сиденье. Мы ехали по Лондону и как раз сворачивали на улицу Принца Уэльского...

Да что я все: Англия, Англия... Возьмем, к примеру, Чехословакию. Из телефона-автомата в вестибюле гостиницы маленького словацкого городка Малацки я в течение минуты дозвонился до Москвы и мог при желании позвонить в любую точку земного шара.

Не так давно у нас была введена автоматическая телефонная связь с некоторыми городами социалистических стран. Но я помню, как во время Олимпиады 1980 года было объявлено, что мы можем звонить по прямому набору во все основные столицы мира. Это новшество просуществовало недолго: вскоре после закрытия Олимпиады оно исчезло вместе с финской колбасой. Побаловались — и хватит...

Как обстоит дело сейчас? Западные корреспонденты, аккредитованные в Москве, могут легко набрать, скажем, Лондон. Но если кто-нибудь из нас попытается сделать это со своего телефона, результат будет следующим: соединение установится очень быстро, но первый же гудок будет прерван металлическим голосом: «Вызывайте телефонистку! Вызывайте телефонистку! Вызывайте телефонистку!» (Москвичи могут попробовать сами, если наберут код Лондона 810441 и лондонский номер.) Итак, каналы связи существуют. Но не для всех, а только для избранных. Это подтвердила старшая смены Международной телефонной станции. «Кто определяет счастливиков, которым разрешается пользоваться автоматической международной связью?» — спросил я ее. «Я не могу ответить на этот вопрос, — все же **ОТВЕТИЛА** она. — И никто вам на него не ответит». Вот так. Глухо как в танке. Абонент не отвечает...

Чего же боятся на международной АТС? Опять-таки разглашения государственных тайн? Но если кому-то уже очень захочется разболтать государственный секрет по телефону, то он может в конце концов «вызвать» пресловутую телефонистку и, прождав несколько часов, совершить свое черное дело.

Но как быть, если действительно нужно позвонить СРОЧНО, чтобы сообщить партнеру детали контракта, предупредить о времени приезда или отъезда (на телеграммы, увы, тоже наде-

жды мало)? Почему нам не позволяют осуществлять наши элементарные права, гарантированные Конституцией?

Все это отнюдь не мелочи. Если вдуматься, речь идет о самых важных вещах: о демократии, гласности, свободе общения и уважении государства прав гражданина. Не будем брать все государство в целом, но если говорить о Министерстве связи, под эгидой которого пребывают и Международный почтамт, и Международная телефонная станция, то оно продолжает демонстрировать свое полное безразличие к людям — тем самым, которых бюрократы снисходительно именуют «населением».

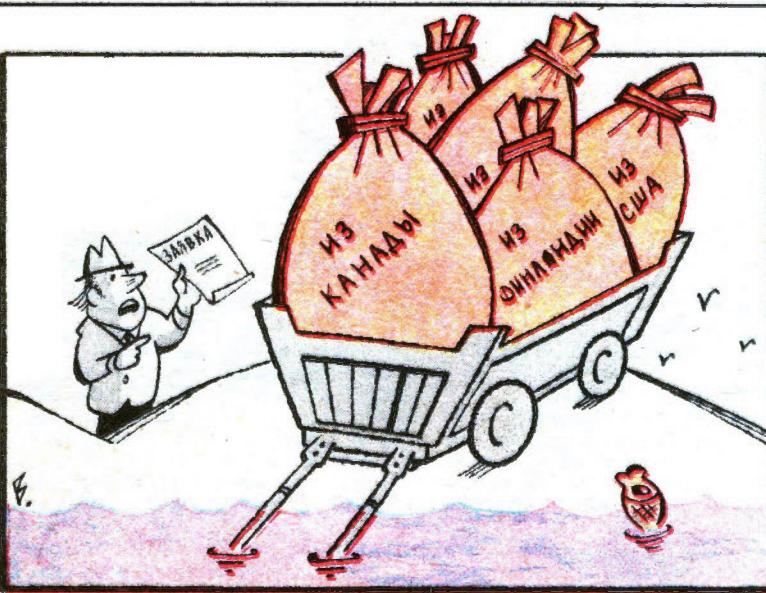
А может, напрасно мы напустились на Министерство связи? Может, во всем виноваты те самые компетентные органы, которые столько лет безуспешно следили за состоянием общественной нравственности и до сих пор продолжают работать по старинке? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос. Среднеистатистический обыватель убежден, что вся наша корреспонденция перлюстрируется, а телефонные разговоры прослушиваются. Но я все же наую, что это не совсем верно. Нет занятия более глупого и аморального, чем читать и слушать чужие приветы-пощелуи. Да и зачем? Вряд ли остались еще шпионы, которые были бы столь наивны, чтобы передавать государственные секреты по линии Министерства связи СССР. И как-то не хочется верить, что зловещее на протяжении многих лет словосочетание «контакты с иностранцами» по-прежнему сохраняет свой смысл (а точнее, отсутствие такового) в сознании работников наших компетентных органов, которые, надеясь, достаточно компетентны, чтобы понять всю абсурдность попыток взять все почтово-телефонные контакты под свой контроль.

Как хочется услышать наконец вразумительный ответ на вопрос о том, откуда все-таки берутся телефонные и почтовые рогатки в нашем напичканном электроникой и усердно общающемся мире!.. Алло, Министерство связи! Алло, компетентные органы!..

Вчера вновь попытался срочно связаться с Лондоном через телефонистку. На протяжении двух часов разговора так и не дали.

Так что, как говорится, пишите письма!..

Когда этот фельетон был уже готов к печати, в еженедельнике «Аргументы и факты» появилось интервью начальника Управления по контролю иностранной литературы Главлит СССР Б. Скородобова, в котором он категорически заявил, что иностранная переписка никем не контролируется. Получается, как в украинской поговорке: «Гнат не виноват, Килина не виновата, виновата только хата, что впустила на ночь Гната...»

А ВВОЗ И НЫНЕ ТАМ!

М. ВАЙНСБОРД

EL COCODRIL

KROKODYL

KROKOTILI

СМЕЯТЬСЯ ВМЕСТЕ!

В США вышел первый в истории взаимоотношений наших стран альбом карикатур «Советский юмор: лучшее из «Крокодила».

Честно говоря, вначале, когда американцы предложили нам обменяться делегациями юмористов, было не до смеха. Проект этот представлялся не столько юмористическим, сколько фантастическим, ибо ветры «холодной войны» дули еще довольно ощутимо, подгоняя огромные айсберги недоверия.

Но — лиха беда начало! Упорство и настойчивость президента «Международной ассоциации профессиональных бюрократов» Джима Борена в осуществлении названного позднее историческим обмена «веселыми командами», встречная работа крокодильцев помогли преодолеть все преграды на пути к желанной цели. И вот уже советские журналисты путешествуют по Америке под девизом «Лучше взрывы смеха, чем взрывы бомб!», а год спустя пятерка коллег из Штатов колесит по градам и весел СССР под аккомпанемент улыбок и аплодисментов.

Оказалось, что мы можем смеяться вместе, расчищая завалы на пути к сотрудничеству и взаимопониманию. В атмосфере этих обменов родилась еще одна хорошая идея, которая привела в Москву вице-президента известной издательской компании «Эндрюс и Макмиллэн» Донну Мартин — обаятельную деловую американку. За традиционным самоваром в редакции «Крокодила» она сразу же взяла быка за рога, предложив выпустить в США первый альбом советской карикатуры. Зазвенели чашки, наполненные крепчайшим фирменным чаем...

И вот перед вами, дорогие наши читатели, обложка советско-американского первенца — сборника сатирических рисунков художников-крокодильцев, только что вышедшего в Соединенных Штатах. Она пришла к нам вместе с письмом Донны Мартин, которое просто грех было бы не процитировать.

«С большой радостью и гордостью посылаю Вам копию верстки книги «Советский юмор: лучшее из «Крокодила»». Позвольте поблагодарить Вас за всю эту помощь, которую Вы оказали в реализации нашего проекта, а также за добрые слова в предисловии к книге... Ваши заметки о помощи в деле расчистки дороги к сотрудничеству и миру через юмор были соединены с заметками Чарльза Соломона, который написал американское предисловие, ярко показав, что публикуемые карикатуры отражают общие жизненные явления, и это в большой степени будет способствовать взаимопониманию между нашими странами, то есть тому, что провозгласили наши политические лидеры через гласность.

Мистер Соломон — редактор — обозреватель «Лос-Анджелес таймс», а также историк и большой знаток карикатуры и мультипликации. Я чрезвычайно довольна его предисловием, в котором он смог дать нечто вроде анализа коллекции крокодильских карикатур в контексте американской и европейской карикатуры...

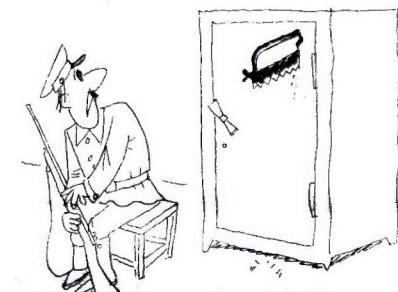
У нас есть идея сде-

лать эту книгу объектом, а точнее, подспорьем в персональной дипломатии между нашими лидерами. Идея состоит в том: передать в руки мистера Горбачева одну из первых копий этой книги с автографом Дж. Буша...

Я надеюсь, что Вы так же удовлетворены и довольны этой книгой, как и мы.

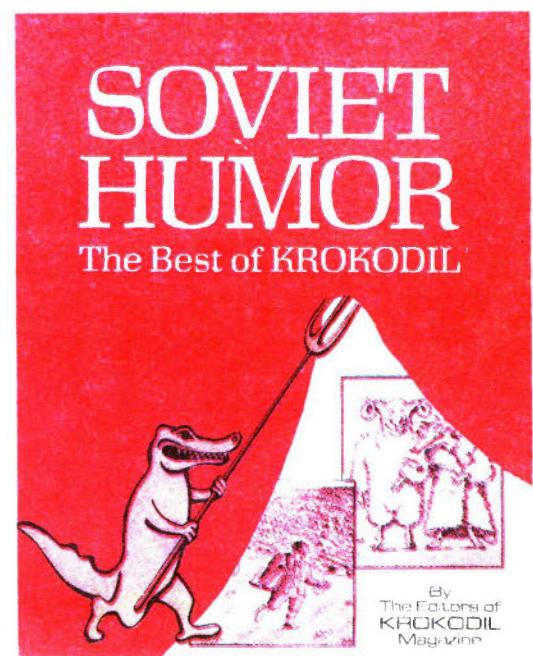
Конечно, довольны! Ведь это первая ласточка, принесшая на своих крыльях нашу весну в Америку. Надеемся, что там встретят ее хорошо. Ибо, как сказал все тот же Джим Борен, лучше смеяться, чем ругаться.

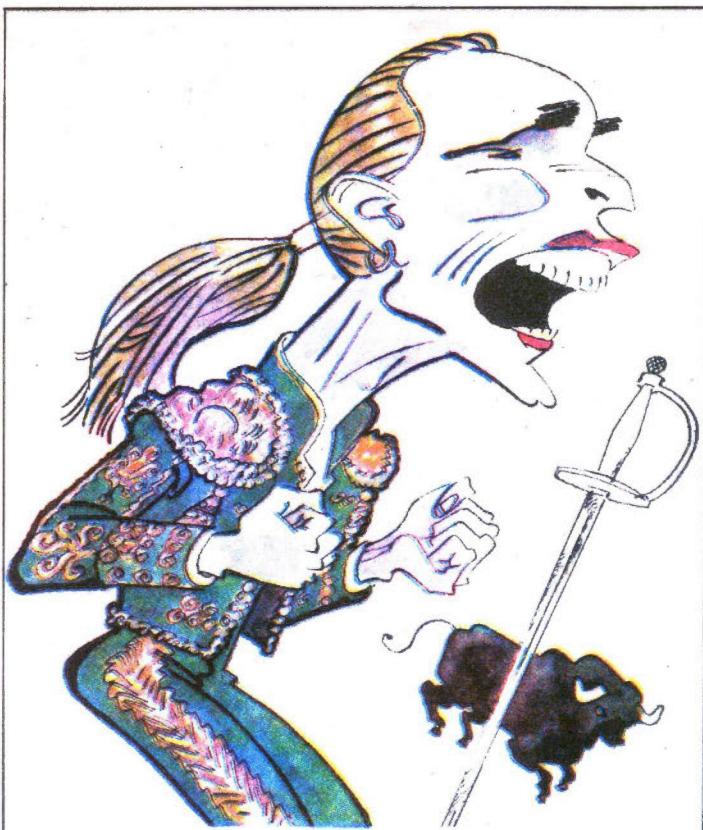
Не успели мы перевести это письмо Донны Мартин, как получили второе, в котором она сообщала, что крокодильский альбом выпущен и одним из английских издательств. Радуемся, видим таковой оперативности, ждем новых добрых вестей из-за океана...

В. ВЛАДОВ.

R. S. Пользуясь случаем, благодарим Госкомпечат СССР, Внешторгиздат, ВААП за помощь и деловое сотрудничество в осуществлении нашего общего проекта.

Александр МАЛИНИН

Петър о корриде хочешь? Пой.
Как говорится, Бог с тобой.
Но помни, Саша, что за труд
«Гусары денег не берут»!

Сергей САТИН.
Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Город, до которого можно доехать в отцепленном вагоне (поэтич.). 5. Панацея доктора Пилюлькина. 6. Огородник, от которого слеза прошибает. 7. Вторая половина В. Лебедева (песенн.). 8. Та, на которой дом держится (фауновск.) 10. Последний штрих в человеческом изображении (детск.). 12. Критика сверху (адм.). 15. Природный автоответчик. 16. Совсем как п. 10 (песенн.). 17. Театр с точки зрения пожарника. 19. Побег от природы (ботанич.). 20. Игра, в которой 22 не перебор. 23. Человек, от которого можно потерять голову. 24. Грошовый материал. 25. Заманчивое кондитерское изделие. 26. Пращур п. 1, доживший до наших дней. 28. Средство от беспамятства.

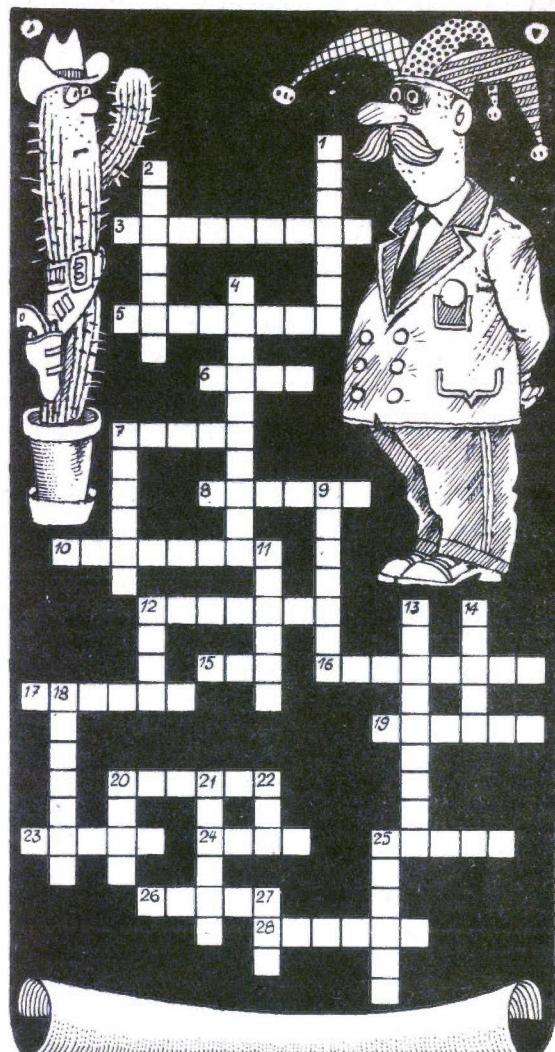
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Жилище, которое необходимо разбить. 2. Человек, дошедший до ручки (карьеристск.). 4. Ученый, который сделал себе имя на пустом месте. 7. Многоукольщик (мексиканс.). 9. Зонтик для носа. 11. Джигит из Техаса. 12. Товарищ из Тамбова (нетоварищеск.). 13. Игра в молчанку. 14. То, что каждый человек должен отдавать себе. 18. Философ, сделавший себе имя на осле. 20. Улыбка капитана (песенн.). 21. Понижение для музыканта. 22. Тронутый (бендеровск.). 25. Объект для стрижки (финанс.). 27. Комик со двора.

Составили М. МЕШМАН и А. ПЕККЕР, г. Винница.

РАЗГАДКА РЕБУСА, ОПУБЛИКОВАННОГО В № 25

«...У них плохие манеры и никакого уважения к авторитетам...»

Сократ.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

ДК / ГАЗ № 17
26. об (пятницу)
состоится
Концерт
в программе:
Вадим Тонков
(гол. Маврыкина)

Прислала Тиханенкова,
г. Горький.

«§ 10. На основании постановления СМ СССР, ВЦСПС от 2.09.81 г. № 865 представить частично оплачиваемый отпуск проводнику резерва Самигуллиной с 5 мая до достижения им возраста 1 года».

«§ 11. На основании постановления СМ СССР, ВЦСПС от 2.9.82 № 865 представить частично оплачиваемый отпуск нач. поезда Романовой Т. А. с 25 мая до достижения им возраста одного года».

(Из приказа).
Прислал А. Петров,
Башкирская АССР.

Мих. ЗОЩЕНКО:

КАК Я ПОПАЛ В «КРОКОДИЛ»

Нет, братцы, кому как, а мне попасть в «Крокодил» было одно удовольствие. Некоторые, я слышал, этот наш орган недолюбливают и даже стаются по возможности встречи с ним всячески избежать. А напрасно.

Был я тут недавно на Савеловском. В аккурат на вокзале. И должен вам сказать — хоть и стоят некоторые отъезжающие граждане на твердой платформе, а идентности не чувствуется. Провожал я родного своего дядю, он в кооперативе записался в Копчинский район толкачом работать. Будет машины, что идут в сельсовет, из колхозов выталкивать. Ну да не в дяде, как говорится, дело. Провожая я его, значит, и поезд уже отходит, а он по привычке своей кооперативной решил еще какую-то гражданку с колбасой и собачонкой системы пудель в вагон подтолкнуть. Не бесплатно, конечно.

— Помоги-ка, — говорит, — мне эту чертову гражданку за ее несчастный рубль в вагон впихнуть, вишь, не влезит с торбами.

Я, конечно, с родного дяди полтину не попрошу, так что помогаю ему из последних сил, можно сказать, задаром. И вдруг эта стервозная пудель, которую я по первости и не разглядел, хватает меня за ногу. И мало того, что не дает задаром пихать свою хозяйку, но еще и дерет с меня последние джинсишки почем зря. А я что есть сил напрягаюсь, потому как проводница уже на меня фуражкой машет и поезд хочет разгоняться. Гражданка в вагон вваливается и пудель свою за собой дергает. А пудель — брюки. И тут, брат-

цы мои, чувствую — холод. Что такое? Вижу, идет себе поезд, из дверей пудель выглядывает и брюками моими в зубах машет. Треснули, мать моя, заклепки, вот они и снялись с меня и уже едут с этой поганой пуделью в Копчинский район, а может, и дальше: Ах ты, господи! Никого нет, штанов нет, одна платформа осталась. Ну, с нее я, конечно, сворачивать не стал, так прямо и пошел обратно. А куда, скажите, у нас человеку без штанов деваться? Иду, задумался. Голову поднимаю, вижу — перед подъездом стою. Двери стеклянные, а за ними мильтон стоит и так себе на меня смотрит. Бежать поздно — догонят. Ах ты, думаю. Вдруг вижу — барышня выходит. Миленькая такая барышня и ручку шариковую грызет.

— Ах, — говорит, — извините, у нас тут без пропуска не пущают. А я заказать забыл.

Тут берет она меня, братцы, за руку, мильтону в дверях улыбается и в лифт впихивает. Ладно. Приезжаем на двенадцатый этаж. Барышня говорит:

— У нас совещание по неформальным уже началось, так что вы потихоньку в зал входите. Вы от мильтонов будете, или вас лучше с хипами посадить? «Ох ты, думаю, — ну и влип!» Мне-то что панки, что хипы — одна фамилия.

— Я, — объясняю, — вообще-то с Савеловского...

Барышня лобик морщит.

— А кто, — говорит, — сейчас там тусуется? Вагонка, что ль?

Вижу — еще больше все запутывается. Рухнул я в кресло у лифта — рассказал ей все как на духу. А она

смеется, глазки щурит и быстро-быстро что-то в книжечку записывает. Записывает, а сама хохочет.

— Это, говорит, товарищ, вы зря, что никому в таком виде не нужны. Вы нам всякие, говорит, нужны. — И куда-то убегает и скоро возвращается с брюками.

— Это, — говорит, — у нас недавно рейд был, проверка то есть по Рижскому рынку, вот и пришлось купить, чтобы подозрений не вызывать. Вам как раз впору будут. А историю про вас мы непременно напечатаем!

Поблагодарили ее от всего сердца, в брюки, конечно, влез, от волнения даже спасибо сказать забыл. А на следующий день на «Крокодил» подписалась, от корки до корки читаю. Если совсем правду сказать, так я на той барышне даже жениться хотел, только она еще раньше за неформала выскочила. Так что дружим теперь семьями. Такая, братцы мои, история приключилась.

Рассказ по мотивам Мих. Зощенко исполнила Н. ГРАЧЕВА.

НАПОМИНАЕМ, ЧТО ОСТАЛИСЬ СЧИТАННЫЕ ДНИ ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ НА 1990 ГОД. ЕСЛИ ХОТИТЕ ПОЛУЧАТЬ «КРОКОДИЛ» С ЯНВАРЯ МЕСЯЦА — ПОТОРОПИТЕСЬ!

ЭТЫ КОВАРНЫЙ СМОГТЕЛЬ

Трижды перечитав последнее слово, читатель, наверное, подумает, что либо в тексте вкрадась опечатка, либо автор его разыгрывает.

Подумает и будет не прав.

Родилось слово недавно и обозначает — коктейль из смога. То, что, увы, ежедневно, помимо своей роли, потребляет население промышленно развитых стран.

Именно под таким названием — «Смогтель» — в Западном Берлине была развернута выставка карикатуристов творческой группы «Гуч», объединенных общей тревогой по поводу состояния окружающей среды.

Я имел удовольствие беседовать с организатором этой выставки Юлием Хаммером. Берлинский однодомщик заокеанского бизнесмена мецената подарил мне альбом, включивший лучшие из представленных работ, — вы можете с ними ознакомиться. Между прочим, Ю. Хаммер владеет в Западном Берлине выставочным залом и готов предоставить его советским карикатуристам...

В предисловии к сборнику западноберлинский сенатор Эрих Ретцольд пишет: сатира может и должна играть важную роль в пробуждении экологического сознания граждан, завтра может быть поздно!

И это при том, что Западный Берлин (равно как и столица ГДР)

по сравнению с нашим родным урбанистическим пейзажем выглядит ухоженным, как квартира у совестливой хозяйки. Совестливой не только перед гостями, но и перед самой собой.

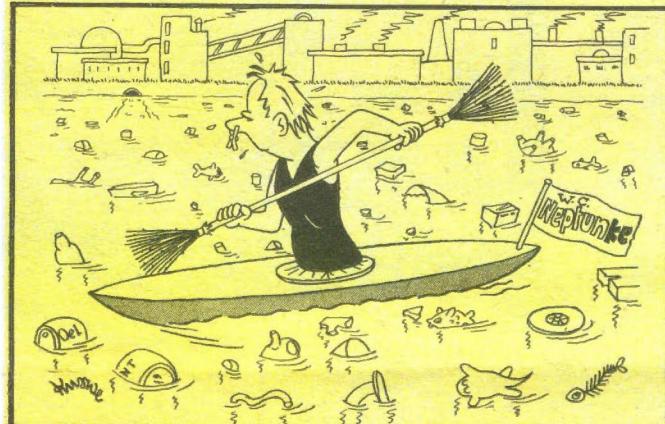
У меня, как и у многих, давно и прочно сложилось представление, что мусорщики на Западе — профессия бросовая и занимаются ею какие-нибудь люмпены или же темные, забытые иммигранты.

Ничего подобного. Посмотрели бы вы на добрых русоволосых мальчиков в ярких комбинезонах, плотно облегающих мощные торсы. Мусорщик — профессия престижная (называют себя «мастерами уличной косметики»), зарплата — на уровне квалифицированного рабочего. За несколько лет можно скопить капиталец, достаточный, чтобы открыть свое дело. Поэтому работают они открыто, весело, с чувством собственного достоинства.

Строго продуманная система чувствительных штрафов существует для нерях и в бытовых сферах, и для тех, кто отравляет воздух или водуемы.

Но все равно: экологическая проблема остра, заботит всех, включая и наших коллег-сатириков, высказавших свое отношение к смогтелью.

Им. ЛЕВИН.

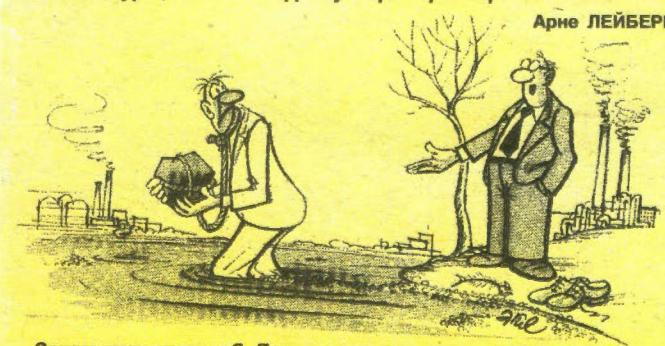

Курт ВЕБЕР.

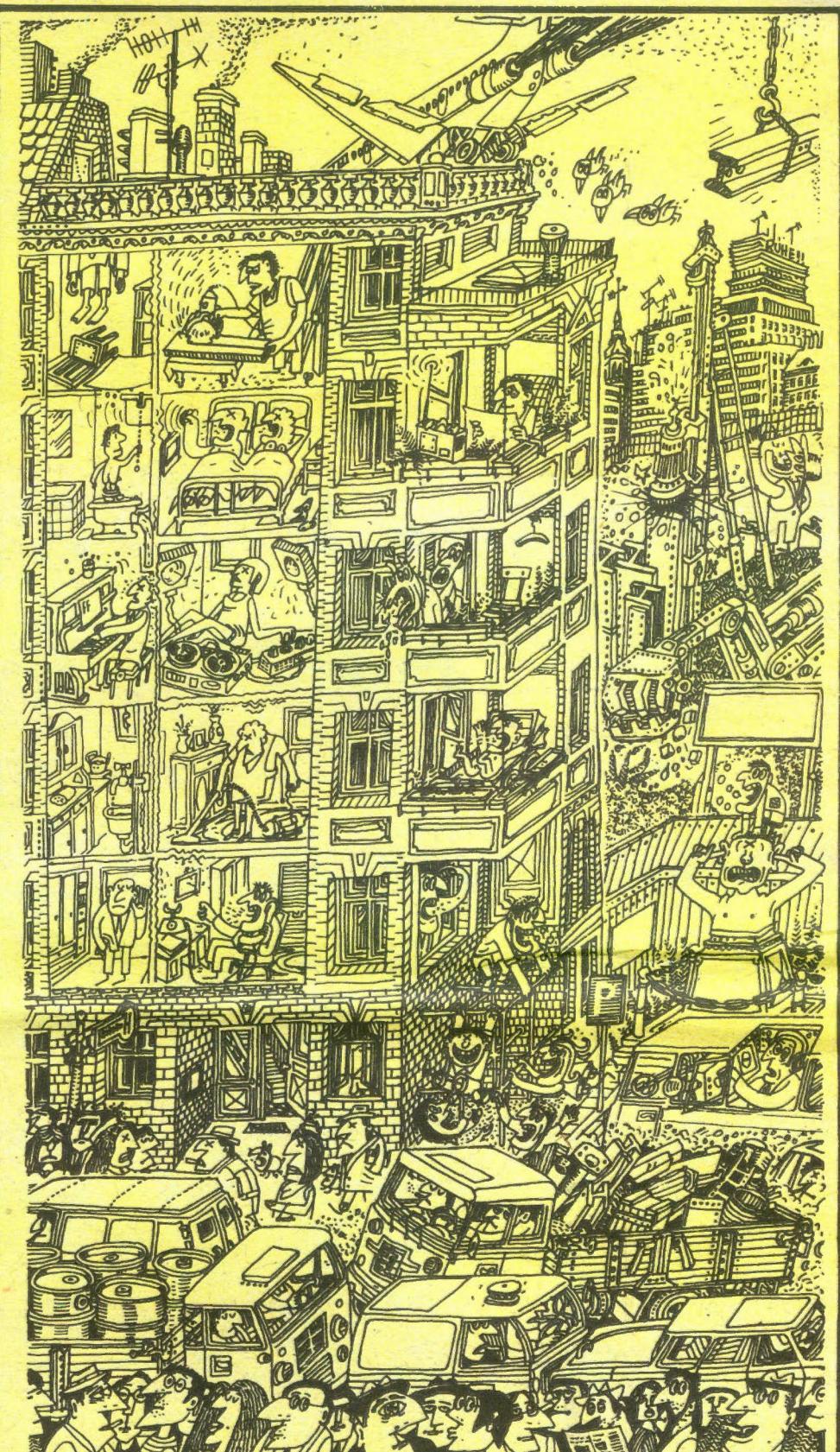
— Я не курю, я только дышу через фильтр.

Арне ЛЕЙБЕРГ.

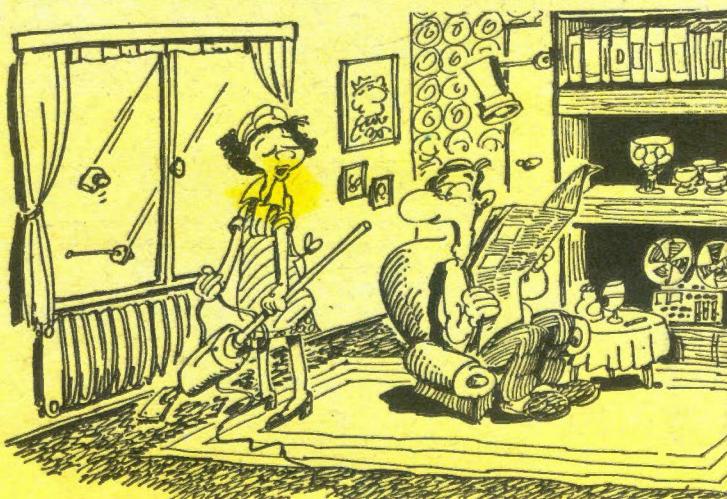

— Зачем так сложно? Достаточно одного глотка.

Арне ЛЕЙБЕРГ.

Освин МЕЙХНЕР.

— Что это — дождь?
— Нет, опять пара деталей от спутника.

Петр БУТШКОВ.